

остальных иудеев того времени, это упоминание древнерусского перевода приобрело совершенно особую значительность.¹²⁷

В нем мы имеем возможность усматривать отклик не только на книгу «Юбилеев» и на «Устав» общины Кумрана, где наиболее подробно представлены данные об этом древнем литургическом календаре иудейского жречества, но и на описанные у Филона обычаи египетских терапевтов, и на древние «Постановления апостольские» (VII, 36, 4), где говорится о «неделях, семи неделях, седьмом месяце и седьмом годе», а также на раннехристианский апокриф «Книга Адама и Евы».¹²⁸ Таким образом, можно было бы предположить, что в данном случае за древнерусским переводом стоит такой список греческого текста, в котором остались следы упоминания о седмицах, принадлежащего еще самому автору «Истории Иудейской войны» или по крайней мере современнику той эпохи.

Второе наблюдение касается того же рассказа Иосифа Флавия о ессеях. В том же разделе упомянутой главы содержится указание, что сторонники этого направления чрезвычайно высоко ставят после бога имя своего законодателя, если кто-либо похулит это имя, то того осуждают на смерть. Древнерусский текст данного места следующий: «Чтять же зѣло имя законодателя, да кто похулить, и смъртию осудить и».¹²⁹ Хотя изложение и несколько сжато по сравнению с оригиналом, оно само по себе не представляет ничего нового. До открытия материалов Кумрана обычно полагали, что в этом абзаце идет речь о Моисее. Часто комментаторы и переводчики Иосифа Флавия на современные языки от себя вносили это имя в текст перевода.¹³⁰

Легендарный образ «учителя справедливости», почитавшегося кумранскими общинниками в качестве святого основателя их секты, естественно заставил предположить, что Иосиф Флавий в данном тексте говорит не о Моисее, а именно об этом таинственном лице. Внимательное изучение древнерусского перевода позволяет установить, что имя этого «законодателя» упомянуто в нем еще несколько раз, притом в тех частях текста, которые признаются за вставки, внесенные впоследствии. Во-первых, в XXXIII главе книги I, в рассказе о снятии восставшими иудеями изображения золотого орла, повешенного над входом в храм по приказу Ирода. Речь к народу руководителей восстания, которые призывают своих сторонников на этот славный подвиг, значительно распространена в древнерусском переводе по сравнению с греческим текстом. Внушая своим сторонникам, что «нынѣ время мужествовати», Иуда и Матфий, вожди этого движения, говорят: «Да покажемъ, какво благочестие имѣемъ на закон Моисѣвъ. Да не постыдится род нашъ, да не посраимъ законодателя нашего».¹³¹ Приведенное место ясно напрашивается на сопоставление с рассказом II книги.

В третий раз встречается выражение «законодатель нашъ» в том месте древнерусского текста, которое получило широкую известность в качестве основного христологического «добавления», во вставке в IX главе книги II, где говорится о Христе. Начинается, как известно, эта вставка словами, которые весьма близки месту из XVIII книги «Древностей Иудейских», обычно признаваемому позднейшей христианской интерполяцией. После этих слов мы читаем в тексте древнерусского перевода: «Овии о немъ гла-

¹²⁷ См.: A. Rubinstein. The Essens according to the slavonic version of Josephus wars. — Vetus Testamentum, v. VI. Leyden, 1956, pp. 307—308.

¹²⁸ Annie Jaubert. La date de la Cène. Paris, 1917, p. 50.

¹²⁹ Н. А. Мещерский. «История Иудейской войны»..., стр. 255.

¹³⁰ H. Clementz. Flavius Josephus. Geschichte des Jüdischen Krieges. Übersetzt und mit Anmerkungen versehen. New York, 1900, стр. 210.

¹³¹ Н. А. Мещерский. «История Иудейской войны»..., стр. 239.